

Джанджгава В.Н.

Немеренные версты: Записки комдива

(М.: ДОСААФ, 1979)

Навстречу великой битве

Оборонительный рубеж на северном фесе Курской дуги... Как он строился, что представлял собой в канун великого Курского сражения?

В военном лексиконе имеется много определений. Оборона была глубоко эшелонированной, противотанковой и противопехотной, устойчивой, надежной. Все, безусловно, так. Однако это лишь общепринятые определения, а под Курском на предполагаемом направлении главного удара врага была создана прочная уникальная оборона, не имевшая равных в истории войн.

Когда мы вместе с начальником инженерной службы дивизии майором В. П. Егоровым впервые выехали на рекогносцировку местности, перед нами предстала картина далеко не утешительная: открытое поле без каких-либо пригодных для длительной обороны высот, две жиденькие рощицы неподалеку от Подоян и Гнильца... Единственное утешение — овраги. Они пролегали параллельно переднему краю, через каждые 3 — 4 километра. Овраги эти были удобными для размещения артиллерийских, минометных подразделений и укрытия личного состава.

Выбора не было. Решили создать всевозможные фортификационные сооружения именно здесь, на открытой всем ветрам, на далеко просматриваемой и, казалось поначалу, легко доступной для танков врага местности.

Комдив требовал: оборона должна быть самой мощной и надежной, непреодолимой ни для танков, ни для артиллерии, ни для пехоты.

— Сумеем выстроить такую оборону, оснастить ее мощными огневыми средствами, как можно глубже зарыться в землю,- тогда нам никакой черт не страшен.

Примерно в таких же словах выражал свои требования и начальник инженерной службы армии полковник Захар Иосифович Колесников. Он напомнил о жесткости сроков. Все работы было приказано провести быстро и качественно. К участию в них были привлечены стрелковые подразделения, воины инженерно-саперного батальона дивизии, которым командовал майор И. А. Педь, саперы полков, связисты.

Это было воистину сражение за железную оборону. Оно не прекращалось ни днем ни ночью. Когда одни группы воинов получали разрешение на короткий отдых, их заменяли другие. Все земляные работы производились вручную кирками и лопатами. Поистине неиссякаемой была энергия руководивших этими работами наших полковых инженеров П. Д. Кичева, Т. М. Авакяна, Г. С. Косенко.

В этот раз пришлось полностью отказаться от традиционных индивидуальных окопов. Главное внимание сосредоточивалось на образовании стройной траншейной системы.

Первая, главная полоса обороны дивизии пересекалась тремя параллельными глубокими траншеями по всей ширине обороны. Расстояние между ними было рассчитано так, чтобы воины, находившиеся во второй траншее, всемерно способствовали повышению огневой мощи первой.

Такие же траншеи, только не сплошные, а прерывчатые, и тоже с множеством ходов сообщения, сооружались на второй и третьей полосах обороны. Они предназначались

для войск второго эшелона, которые должны были контратаковать противника в случае его вклинения или мощным огнем остановить его дальнейшее продвижение.

Каждые сутки с наступлением темноты саперы уходили ставить мины и проволочные заграждения. Только перед передним краем обороны устанавливалось от полутора до двух тысяч мин на каждый километр фронта. Кроме того, в оперативной глубине минировались танкоопасные направления, узкие дефиле, перекрестки дорог. На внутренних дорогах через каждые 100 — 200 метров отрывались щели для укрытия личного состава от воздушных бомбардировок. Зарывались в землю артиллерия, минометы, транспорт... Готовились хорошо оснащенные связью и тщательно замаскированные пункты управления огнем, густая сеть наблюдательных пунктов. Провода телефонной связи во избежание порывов от осколков снарядов также глубоко засыпались землей, причем основные линии проходили под землей по дну траншей. В штабе дивизии, который возглавлял полковник Шмыгалов Вениамин Петрович, была тщательно разработана система огня по отражению ударов противника. Все виды огня получили номера, так что соответствующему общевойсковому командиру достаточно было только назвать определенный номер, чтобы артиллеристы и минометчики обрушили мощный огонь туда, куда потребуется.

Общая глубина обороны на участке Сивашской дивизии составляла 5 — 8 километров. Примерно такой же глубины достигала она и в других соединениях 13-й армии, войска которой сосредоточились на направлении предполагаемого главного удара противника.

Особое внимание уделялось противотанковой обороне. Она состояла из противотанковых районов, включавших в себя ротные противотанковые опорные пункты. На вооружении каждого ротного ПТОП имелось не менее четырех противотанковых орудий, до взвода противотанковых ружей, специально подготовленная группа истребителей танков, вооруженных гранатами и бутылками с горючей смесью. На участке Сивашской дивизии было создано 13 противотанковых районов и 44 опорных пункта. Вся полковая и часть дивизионной артиллерии подготавливалась к ведению огня по танкам прямой наводкой. В систему противотанковой обороны входили также подвижные артиллерийские отряды заграждения.

Никогда еще за два года войны 13-я армия (на Курском выступе она вошла в состав Центрального фронта) не была такой сильной и мощной, какой стала весной 1943 года. В ее составе тогда было 12 дивизий из 41, которыми располагал фронт. В оперативном подчинении армии находились 25 артиллерийских полков, 3 минометные бригады, 8 минометных полков, 5 полков гвардейских минометов — «катюш». Занимая лишь 11 процентов общесредней полосы обороны, армия получила в свое оперативное подчинение 44 процента всех имеющихся в составе фронта артиллерийских частей. Наряду с этим соединения армии располагали достаточно сильной своей дивизионной и полковой артиллерией.

Всего в армии имелось 2935 артиллерийских орудий и крупнокалиберных минометов (помимо зенитной артиллерии), что в среднем составляло примерно 92 ствола на каждый километр фронта обороны. В Сивашской дивизии артиллерийская насыщенность была еще большей — примерно 110 — 120 орудийных стволов и 10 танков на километр участка.

В мае в состав армии дополнительно влились две зенитно-артиллерийские дивизии, одна из которых была передана в оперативное подчинение командованию Сивашской дивизии. Кроме зенитчиков войска прикрывали с воздуха и части истребительной авиации.

В полосе обороны 13-й армии сразу же за боевыми порядками ее войск располагался и главный резерв фронта — 2-я танковая армия, 9-й и 19-й танковые корпуса.

Одновременно со строительством обороны воины непрерывно учились воинскому мастерству. Все — от бойца до генерала понимали, что предстоит отражать прежде всего

танковые удары врага. Пехоту, конечно, тоже не сбрасывали со счета, не забывали, что при поддержке большого количества танков гитлеровские стрелки и автоматчики действуют нагло, напористо.

Роты и батальоны поочередно отводились с переднего края во второй эшелон, и там с ними проводились практические занятия, максимально приближенные к боевой действительности.

«Не бояться танков!», «Смелому и умелому воину танк не страшен!» Эти истины изо дня в день внушали личному составу командиры и политработники, пропагандисты и агитаторы, бывалые воины.

Преодолению танкобоязни в немалой степени способствовала обкатка пехоты танками в траншеях. На траншею, из которой вели огонь воины стрелкового подразделения, надвигался танк «противника», который не удалось уничтожить перед позицией. Оставалось одно: быстро пригнуться в траншее, лучше всего, лечь на ее дно, затем, пропустив танк «через себя», мгновенно подняться и успеть метнуть на его корму либо противотанковую гранату, либо связку противопехотных гранат, либо бутылку с горючей смесью. Во время учебных занятий для «поражения» танков, использовались, разумеется, болванки.

Процедура обкатки траншей танками, конечно, устрасала. Под тяжестью танка деформировались стенки траншеи, стрелков засыпало землей. На какое-то мгновение им казалось, что вот-вот танк их раздавит. Но через две-три обкатки страх исчезал, приходило чувство уверенности.

Помимо обучения личного состава непосредственно в дивизии проходили также крупномасштабные занятия и учения на фронтовом полигоне, созданном по инициативе Маршала Советского Союза Г. К. Жукова примерно в 30 километрах от переднего края. Входившие в состав фронта соединения в порядке очереди отводились туда с передовой на 5 — 6 дней для отработки тактических приемов с использованием новейшего оружия, главным образом противотанкового. Соответствующим образом выбиралась и местность для практических занятий. На полигоне, нередко в присутствии Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского и командарма Н. П. Пухова, разыгрывались большие наступательные «бои», в ходе которых решались сложные задачи взаимодействия различных родов войск.

Как-то после одного из таких занятий, которое мне довелось проводить в присутствии высокого начальства, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков сказал мне:

— Если вы и в боевой обстановке так организуете наступательный бой, то никакой враг вам не страшен.

Объявив личному составу благодарность, Георгий Константинович рекомендовал готовиться к предстоящим боям еще упорнее.

Командование фронта, безусловно, многое знало о противостоящем противнике, в том числе и о его силах, сконцентрированных на Курском выступе, о его планах, намерениях. Но подлинная численность пехоты, артиллерии, танков, самолетов стала известна, конечно, позже. В определенной степени было известно, что, готовясь к нанесению мощного удара по советским войскам под Курском, фашистские генералы большие надежды возлагали на новую боевую технику. На фронт под Курск шло большое количество тяжелых танков и самоходных орудий.

Непосредственно перед 15-й стрелковой дивизией стояла 6-я пехотная дивизия врага. В ее тылу, в районе совхоза «Садовод», расположилась крупная ударная группировка пехоты, артиллерии и танков.

Генеральная проверка

Все ждали начала боев. Ждали еще с середины мая. Но заканчивался июнь, а вражеское наступление не начиналось.

По вечерам, ночью и в раннюю утреннюю пору на фронте стояла напряженная тишина. Ее нарушали лишь соловьиные трели да редкие одиночные выстрелы. Прелестные курские соловьи! Даже в войну они не прекращали своих звонких песен. Солдатам же было не до них. Томительное ожидание предстоящего сражения выматывало душу, ни днем ни ночью не давало покоя.

С середины июня противник усилил обстрел советских позиций, корректируя огонь с самолетов-разведчиков. Иногда в воздух поднимался вражеский аэростат, и тогда артиллерийский обстрел усиливался. В такие дни противник только на участок обороны Сивашской дивизии бросал по 1500 — 1800 мин и снарядов.

В небе то и дело вспыхивали воздушные бои. Нередко с обеих сторон в них одновременно участвовало больше сотни самолетов. Авиации противника иной раз удавалось бомбить железнодорожные узлы, станции... Не оставались в долгу и советские летчики. Они наносили мощные удары по скоплениям пехоты и танков противника. Особенно ожесточенные бои разгорались между истребителями. И все же это было лишь преддверие грядущего сражения.

В последних числах июня генерала А. Н. Слышкина назначили командиром вновь сформированного 29-го стрелкового корпуса. Мне хорошо запомнились его слова, сказанные при прощании: «Свой главный удар противник, видимо, нанесет по участку обороны Сивашской дивизии».

Это его предположение базировалось на двух важных факторах. Во-первых, сразу же за боевыми порядками полков дивизии проходило магистральное шоссе, к которому враг, конечно же, будет стремиться. Во-вторых, участок обороны сивашцев на самом левом фланге 13-й армии — на ее стыке с соседней 70-й армией. А стык, как известно, в обороне — место наиболее уязвимое. Не случайно поэтому по приказанию фронтового и армейского командования участок обороны 15-й дивизии был сокращен по фронту почти вдвое и доведен до 10 километров. Не случайно и то, что дивизия получила мощные средства усиления: два самоходных и четыре истребительных противотанковых полка, два дивизиона тяжелой артиллерии, зенитно-артиллерийскую дивизию. В глубине обороны сивашцев расположились части фронтового резерва.

— Главное — выдержать танковый таран врага,- говорил комдив.- Ну и с пехоты, конечно, не сводить глаз. Прорвать такую оборону, какую мы создали, очень трудно. И надеюсь, фашисты ее не прорвут.

...Наступил июль. Душный, жаркий и по-прежнему полный тревожного ожидания. Отдыхать почти не приходилось, особенно перед рассветом. Ведь бои чаще всего начинались ранним утром.

В ночь на 1 июля — особенно душную и жаркую — долго сидел над картой, прикидывал различные варианты отражения атак противника. Забрел рассвет. Одна за другой угасали звезды. Все ярче разгоралась заря.

В расположении врага хлопнул одиночный выстрел. Тишина как-то сразу стала напряженной и зловещей. Когда враг начнет атаки? Может, через час, через несколько минут?..

Советской разведке удалось установить приблизительный срок начала вражеского наступления с точностью до трех суток. Стало известно, что оно ожидается между 3 и 6 июля. В дивизию эту весть привез начальник штаба полковник В. П. Шмыглев, побывавший в армии. Трое суток! 72 часа ожиданий!

За поведением противника следили сотни глаз. Бинокли, стереотрубы, перископы были постоянно наведены на передний край вражеской обороны. Звукометрические посты засекали по отдельным выстрелам огневые точки. Каждый квадратный метр земли был взят под прицел артиллеристами, минометчиками, пулеметчиками. О всяком, даже

малейшем, изменении в режиме дня и подведении противника наблюдатели немедленно докладывали в штаб.

Рано утром позвонил командарм генерал Н. П. Пухов и сообщил, что часов в девять-десять в дивизию прибудет командующий фронтом генерал армии Рокоссовский. Потом спросил:

— Как там у вас?

— Тихо.

— Слушай внимательно. Слушай эту тишину. Не нравится она мне.

Не нравилась она и мне. Надоело вслушиваться в нее. Но тишине приходит, как видно, конец. Не зря же едет сюда командующий фронтом.

Вместе с начальником артиллерии полковником Ф. Ф. Федотовым и другими офицерами штаба дивизии выехал к условному месту встречи с К. К. Рокоссовским.

Встреча произошла в 15 километрах от передовой. К. К. Рокоссовский и сопровождавшие его генерал-лейтенант Н. П. Пухов, генерал-майор А. Н. Слышкин подъехали на машинах. Коротко доложил о боевой готовности дивизии. Константин Константинович молча выслушал доклад, распорядился:

— Теперь поедем на ваш командный пункт, полковник. Там подробнее обо всем поговорим.

На КП более обстоятельно доложил о состоянии дивизии и занимаемом ею участке обороны. Командующий фронтом остался доволен, но продолжал расспросы. Он интересовался настроением личного состава, готовностью противотанковой обороны... После чего энергично поднялся из-за стола.

— Хорошо, полковник! Посмотрим вашу оборону на месте. С чего начнем?

Ответил генерал Слышкин:

— Если не возражаете, товарищ командующий, предлагаю пойти в шестьсот семьдесят шестой полк. Он занимает оборону на стыке с восемьдесят первой дивизией генерала А. Б. Барина.

— Ну что ж, можно и туда,- согласился Рокоссовский.

Шли по траншеям. Несколько раз останавливались. Константин Константинович беседовал с бойцами и командирами, интересовался их настроением, их мнением о прочности обороны. Не отстававший от него ни на шаг полковник-адъютант все время что-то записывал в блокнот, вероятно, ответы бойцов на вопросы командующего.

В полку командующего фронтом встретил командир 676-го полка подполковник Н. Н. Оноприенко. Он четко доложил о боевой готовности полка. Командующий фронтом крепко пожал ему руку:

— Показывайте свое хозяйство, подполковник.

В траншеях и окопах повсюду царил образцовый порядок. Стрелки, автоматчики, пулеметчики с завидным солдатским мастерством во многих местах соорудили надежные укрытия от осколков снарядов, мин и авиабомб, в образцовом состоянии содержали оружие и боеприпасы. Такими же надежными были укрытия и у артиллеристов, танкистов, связистов, воинов других специальностей.

Одновременно с осмотром боевых позиций Константин Константинович просто, дружески расспрашивал бойцов и сержантов, насколько хорошо они знают свои обязанности в бою. Все отвечали на его вопросы бойко, уверенно. Некоторые в свою очередь задавали вопросы командующему.

— Когда же, товарищ командующий, закончится наше отсиживание в окопах? — спросил в одной из рот старший сержант.- На моей родной Украине нас ждут родные, жены,

дети, а мы сидим, как кроты, в земле и чего-то медлим. Прикажите наступать, мы сметем врага.

Константин Константинович нахмурил брови, вздохнул:

— Дойдет дело и до освобождения Украины, товарищ старший сержант. Если не в этом, то в будущем году Украина будет освобождена. Пока же нам надо разгромить врага здесь, под Курском.

Бывалый, рассудительный солдат, по всей вероятности, понравился командующему фронтом. Он беседовал с ним несколько минут, гораздо дольше, чем с другими. Спросил, давно ли старший сержант на фронте, где, в каких боях принимал участие, насколько хорошо разбирается в теперешней боевой обстановке. Тот кратко, но обстоятельно ответил на все вопросы.

— Старший сержант — опытный, способный командир, товарищ командующий. Его отделение — одно из лучших в полку,- вставил подполковник Оноприенко.

— Если лучший, значит, заслуживает награды,- сказал Константин Константинович и, вручив старшему сержанту часы, с теплой улыбкой добавил: — А Украину, как и всю советскую землю, мы непременно освободим. Теперь уже недолго ждать.

Ничто не ускользало от внимания Рокоссовского, но больше всего, естественно, его интересовало состояние противотанковой обороны.

Вернувшись в траншеи второй линии, командующий подошел к месту, где по схеме значилась боевая позиция одного из противотанковых орудийных расчетов. Оглядевшись вокруг и не увидев орудия, командарм Пухов грозно спросил:

— Что это? Где расчет?

Командующий фронтом, разгадав солдатскую хитрость, объявил боевую тревогу. Артиллеристы мгновенно выкатили орудие из укрытия и заняли боевую позицию.

— Тридцать шесть секунд! — удовлетворенно произнес Константин Константинович, отрывая взгляд от наручных часов.- Неплохо. Очень даже неплохо! — похвалил он артиллеристов.- Кто командир противотанкового узла?

Им оказался младший лейтенант Иван Борисюк. Командующий фронтом тепло побеседовал с ним, объявил ему и всему составу орудийного расчета благодарность.

— Если в бою будете действовать так же быстро, согласованно, то никакие «тигры» и «пантеры» вам не страшны,- сказал Константин Константинович Борисюку.

Осмотр боевых позиций был закончен уже во второй половине дня. По глубоким траншеям все благополучно вернулись на КП дивизии.

Едва вошли в блиндаж, начальник штаба полковник В. П. Шмыглев доложил:

— Товарищ командующий! Звонили из штаба фронта и просили передать вам, что никаких новых данных о сроках вражеского наступления нет. Все остается по-прежнему.

— Опять то же самое,- не скрывая досады, задумчиво произнес Константин Константинович.- А когда точно? Нужны более точные данные. Мы обязаны знать не только день, но и час, минуту начала удара врага. Нужен «язык». Именно на участке вашей дивизии, полковник. Непременно достать «языка». Это мой личный приказ!

Делясь впечатлениями о результатах осмотра боевых позиций, К. К. Рокоссовский дал высокую оценку всему, что видел в 676-м стрелковом полку и на противотанковом узле артиллеристов. В заключение, очертив на карте цветным карандашом участок обороны дивизии, объявил:

— Самый ответственный участок, товарищи, у вас. Вероятнее всего, именно здесь противник попытается прорвать оборону. Возможно, на стыке вашей и восьмидесят первой дивизии. Словом, вам и вашим соседям предстоит принять на себя главный удар врага. Вы глубоко зарылись в землю, создали надежную оборону не только на первой линии, но и в глубине. Это — важная гарантия задержать противника, измотать его в жестоких боях, ослабить. Вам будет обеспечена всесторонняя помощь. Ночью к вам прибудет инженерно-саперная бригада, произведет уплотнение минных заграждений. И последнее. До начала боев нужно добыть «языка». Любой ценой!

Когда разговор был закончен, мы пригласили командующего и сопровождавших его генералов пообедать. Возражений не последовало. Повар Ахмед подал на стол, как он выразился, парадный обед.

Много лет спустя после победного завершения Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский напишет в своих воспоминаниях о посещении 15-й Сивашской стрелковой дивизии:

«При проверке рубежей в районе Поньрей я спросил солдат одного из подразделений, как они оценивают свои позиции. Бойцы уверенно ответили: «Здесь противник не пройдет!» И надо сказать, что они подтвердили это на деле».

Накануне

После отъезда командующего мы с начальником штаба и начальником разведки засели за разработку очередного плана захвата «языка». Очередного потому, что поисковые группы за последний месяц уходили в разведку каждую ночь. Однако возвращались ни с чем.

Каждый раз противник парализовывал действия разведчиков. Со второй половины июля им периодически устраивались крупные засады. Еще одна попытка захватить «язык» в ночь на 3 июля вновь не увенчалась успехом.

Рано утром 4 июля линию фронта перебежали два югослава — солдаты третьей роты 18-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии. Они показали, что их дивизия имеет позиции в районе Верхнее Тагино. Перебежчики рассказали, что гитлеровские войска готовятся в ближайшие дни перейти в наступление.

Необходимость узнать время начала вражеского наступления стала еще острее. Было решено в ночь на 5 июля направить в разведпоиск еще две группы — самых опытных асов разведки. В одну из них вошли дивизионные разведчики, в другую — разведчики 676-го полка.

Договорились, что продвижение к вражеской обороне обе группы начнут одновременно из первой траншеи. Одна в направлении совхозного поселка Тагино, другая — восточнее.

Для группы полковых разведчиков лейтенанта Рябушенко был предусмотрен лишь один вариант: незаметно для противника подобраться к его обороне восточнее Тагино и организовать засаду. Основой для такого варианта послужило то, что наблюдатели несколько раз примечали появление там небольших групп вражеских солдат, по всей вероятности, возвращавшихся с каких-то заданий.

Более реальная и вместе с тем более опасная задача была поставлена группе лейтенанта И. Мелешникова. Она должна была проникнуть на южный скат усиленно охраняемой гитлеровцами высоты 256,0 западнее совхозного поселка Тагино, где разведка дивизии засекала тщательно замаскированную пулеметную точку. Она-то и была избрана объектом нападения разведчиков. Не исключалась возможность встречи с гитлеровцами в нейтральной зоне. В этом случае разведчики должны были действовать в соответствии с обстановкой.

В группу лейтенанта Мелешникова вошли прославленные на всю дивизию разведчики: старший сержант парторг роты Андрей Иванов, ефрейторы Федор Семенов, Александр Гузынин, Михаил Логозинский... Всего 12 человек. Все варианты захвата «языка» предварительно отработали на местности.

В течение нескольких часов разведчики вели наблюдение за противником из траншеи 47-го стрелкового полка. Часам к девяти вечера туда пришли и мы с подполковником Бочаровым и капитаном Колесовым. Там же находился и представитель штаба армии.

Смотрю на часы. Часовая стрелка показывает двадцать два часа.

— Ну, в добрый час! Большой удачи!

Разведчики словно растворились в темноте. Мысленно представил их путь в стан врага: впереди по-пластунски ползут саперы с миноискателями, за ними — группа захвата, последний — связист с катушкой телефонного провода за спиной. «Удачи вам, ребята!»

Позвонил со своего НП командир 47-го полка Иван Иванович Карташов:

— Группа Рябушенко находится метрах в шестидесяти от вражеских окопов, на переднем крае у противника необычно много солдат и офицеров. Из глубины обороны доносится шум большого числа автомашин, лязг гусениц танков и самоходок. Кроме того, Рябушенко и его разведчики слышали автоматные очереди и взрывы гранат у высоты.

Слышали автоматные очереди у высоты и мы. Но никаких сообщений от Мелешникова не поступало. Что там случилось? Неужели опять осечка, и разведчики возвращаются ни с чем? Томительные минуты ожидания. Пять, десять, пятнадцать минут... Время, кажется, остановилось.

Перед траншеей появился широкоплечий, рослый человек, в котором без труда узнали сибиряка Федора Семенова. Он тащил на спине что-то тяжелое. Перевалив через бруствер траншеи, Семенов сбросил со спины тяжелую ношу, радостно доложил:

— Задание выполнено, товарищ полковник! Фрица взяли... В минных полях. Там их человек двадцать возилось...

Вслед за Федором Семеновым вернулись и остальные разведчики со главе с лейтенантом Мелешниковым.

«Пленного взяли в минных полях, там их человек двадцать возилось,- молнией пронеслось в мозгу.- Значит, гитлеровцы проделывают проходы. Вполне возможно, через час-другой начнут атаку».

Пленного развязали, подняли на ноги.

— Допрашивайте! — приказал стоявшему рядом переводчику.- Кто он? Что делал вместе с другими на минном поле?

Пленный сразу же назвал имя и фамилию. Он солдат саперного батальона 6-й пехотной дивизии. Вместе с другими солдатами саперного взвода готовил проход через минное поле для танков и пехоты. Затем неожиданно выпалил по-русски, с трудом подбирая слова:

— Завтра русиш капут! Орел... Белгород! — солдат широко развел руки, потом соединил их вместе, с силой сжал в один кулак.- Курск — капут!

— Спросите, когда они начинают? — поторопил переводчика.

— Пятого июля. Начало артподготовки в два часа тридцать минут. Пехота и танки уже на исходных позициях для атаки. В частях зачитан приказ фюрера о наступлении, где

сказано: «Колоссальный удар, который будет нанесен утром советским армиям, должен потрясти их до основания».

Немедля связываюсь с командармом.

— Пленного ко мне! — приказал Пухов.

Два бойца с автоматами увели пленного, чтобы как можно быстрее доставить его на машине в расположение штаба армии.

Лейтенант Иван Мелешников, старший сержант Андрей Иванов, ефрейторы Федор Семенов, Александр Гузынин и другие разведчики рассказали, как им удалось захватить столь ценного «языка».

Группу саперов противника они увидели первыми в нейтральной зоне. Те направлялись по неглубокой балке к переднему краю советской обороны.

Пути вражеских саперов и советских разведчиков как бы перекрестились. Причем разведчики оказались в более выгодном положении — на высотке, а гитлеровцы внизу. Лейтенант Мелешников решил внезапно атаковать вражеских саперов. Первыми открыли автоматный огонь Мелешников, Иванов, Семенов и Гузынин. Гитлеровцы были ошеломлены. Воспользовавшись их замешательством, ефрейтор Александр Гузынин метнул гранату. Несколько вражеских саперов были уничтожены. Оставшиеся в живых кинулись бежать. Лейтенант Мелешников успел одного из них свалить на землю. На помощь подбежал ефрейтор Гузынин. Вдвоем они быстро связали захваченного, заткнули ему кляпом рот и завернули в плащ-накидку. Нести пленного командир группы поручил Федору Семенову, обладавшему недюжинной силой. Остальные разведчики сопровождали его вплоть до первой траншеи полка.

Так в нашей дивизии первыми узнали точное время начала Курской битвы.

Битва

Отправив пленного гитлеровца в штаб армии, я поспешил на наблюдательный пункт дивизии, который располагался на выгодной в тактическом отношении высоте, поблизости к селу Степь. Обычно гитлеровцы часто обстреливали высоту из артиллерии и минометов. Теперь же было тихо. Ни одного выстрела.

Еще перед уходом из 47-го полка по телефону я сообщил начальнику штаба дивизии о показаниях пленного и возможном начале гитлеровского наступления. Начальник штаба немедленно созвал всех руководящих офицеров штаба. Все пришло в движение. Все торопились. Ведь до начала вражеского удара оставалось около трех часов.

В 2 часа 20 минут, ровно за десять минут до начала артподготовки врага, все линии и средства связи передали войскам условный сигнал «Солнце» — приказ о начале контрартподготовки. В полосе обороны всего Центрального фронта грянул гром сотен орудий. Только в полосе обороны 13-й армии открыли огонь по вражеским позициям, местам предполагаемого скопления живой силы и техники противника 600 орудий.

Контрартподготовка продолжалась в течение получаса. Это был поистине всесокрушающий удар. За полчаса советская артиллерия израсходовала тысячи снарядов!

Беспокоила мысль: начнет ли противник свое наступление сегодня? Достоверны ли показания взятого в плен вражеского сапера? Правильно ли оценена ситуация? Если враг намеревался начинать сражение не сегодня, а через два-три дня, тогда он все же сумеет восполнить урон. К тому же ему станут известны и демаскированные огневые точки советских батарей.

— Начнет. Куда ему деваться? — сказал уверенно командующий артиллерией Федотов. — Отменить крупную боевую операцию, когда она подготовлена и срок ее определен, уже

невозможно.

Однако шло время, а со стороны врага — ни одного выстрела. За передним краем и в глубине обороны противника продолжали полыхать пожары, время от времени гремели мощные взрывы, вероятно, взрывались склады и машины с боеприпасами. И все. Никаких признаков начала наступления.

Два часа потребовалось немецко-фашистскому командованию, чтобы привести свои войска в относительный порядок после мощного удара советской артиллерии. Отменить, перенести тщательно подготовленное наступление на более дальний срок противник уже не мог. Ровно в 4.30 прогремел первый залп вражеской артподготовки. Велась она в значительной мере ослабленными силами, далеко не теми, что предполагалось. К тому же спустя пять минут после ее начала советская артиллерия нанесла новый мощный кратковременный удар по врагу. В полосе обороны 13-й армии огонь вели теперь уже не 600, а более тысячи орудий и минометов, так как была привлечена полковая артиллерия и батальонные минометы.

Позже станет известно, что ударная группировка врага, предназначенная для прорыва обороны советских войск в полосе 13-й армии и правофланговых соединений 70-й армии, состояла из восьми пехотных, шести танковых и одной моторизованной дивизий. Она имела 270 тысяч солдат и офицеров, около 3,5 тысячи артиллерийских орудий и минометов, почти 1200 танков и самоходных орудий, в том числе большое количество «тигров», «пантер» и «фердинандов».

Только на узком участке фронта обороны Сивашской и соседней 81-й дивизий, где противник намечал прорвать оборону, было сосредоточено до четырех пехотных и трех танковых соединений, имевших на вооружении до 500 танков! И все это при поддержке большого числа артиллерии и самолетов.

Когда закончилась артиллерийская дуэль, в 5 часов 30 минут утра противник перешел в атаку. Силами двух пехотных полков при поддержке большого количества танков и бомбардировщиков он попытался с ходу пробить брешь на участке обороны 47-го стрелкового полка, перед позициями которого не имелось каких-либо естественных препятствий. Одновременно подвергся атаке и 676-й полк. Но так как его позиции пролегли по труднопроходимой местности — оврагам, заболоченным участкам поймы реки Очка, противник не смог с полной силой использовать танки, что, естественно, ослабило его удар.

Первая атака противника была успешно отражена. Вражеская пехота и танки, встреченные мощным артиллерийским, минометным и ружейно-пулеметным огнем, вынуждены были отойти на исходные позиции.

В 6 часов 30 минут, после еще более продолжительной артподготовки и бомбардировки с воздуха, гитлеровцы вновь атаковали позиции Сивашской дивизии и полков правого соседа — 81-й стрелковой.

— Противник атакует с юго-восточной окраины Верхнего Тагино в направлении Ясной Поляны,- доложил по радио командир 47-го стрелкового полка подполковник Карташов.

— Много танков?

— Сам черт не подсчитает.

— Держись, Иван Иванович! Держись! Нам теперь остается только одно — держаться! — крикнул в микрофон.

Острие этой атаки направлялось против третьего батальона полка. Воины батальона, которым командовал капитан Н. Д. Жуков, при поддержке артиллерии с трудом, но все же отбили атаку. По рации поступило тревожное сообщение из 676-го полка: гитлеровцам удалось вклиниться в оборону у сел Борки и Озерки. Командир полка подполковник Оноприенко доложил, что контратакой первого и третьего батальонов гитлеровцы выбиты из занятых ими траншей. В схватке с врагом высокую личную отвагу проявили командир третьего батальона майор Швендик и командиры подразделений лейтенанты Сердий и Большаков.

В первых атаках противник ввел в бой крупные силы. Но это была пока лишь «пристрелка». Главный свой удар по обороне 15-й Сивашской и 81-й стрелковой гитлеровцы нанесли в 8 часов 30 минут. Из районов Верхнее и Нижнее Тагино двинулась громадная лавина танков. Впереди шли группами по 10 — 15 машин в ряд «тигры» и самоходки «фердинанд». За ними тоже группами по 50 — 100 машин двигались средние и легкие танки. В последнем ряду двигалась пехота на бронетранспортерах. В воздухе появилось до сотни бомбардировщиков и истребителей. Бомбардировщики подвергли прицельному удару минные поля, а также овраги, в которых располагалась полковая артиллерия и минометы. Отбомбившись, самолеты едва успевали лечь на обратный курс, как их тут же сменяла новая армада.

Часть полковой артиллерии оказалась разбитой. Проводная связь НП с полками нарушилась. Пришлось перейти к управлению боем по радио. В 47-м стрелковом полку случилась еще большая беда. Вражеский снаряд угодил в блиндаж связистов и повредил рацию. Командир полка вынужден был прибегнуть к живой связи.

Бой продолжался. Стрелковые подразделения стояли насмерть. Саперы и гранатометчики под ураганным огнем подбирались на близкое расстояние к фашистским танкам, подкладывали под них мины, поражали их противотанковыми гранатами. Смертью героев погибали сами, но не давали врагу пробиться вперед. В упор вели огонь по танкам сорокапятки. Когда фашистским танкам удавалось проходить через траншеи, наши стрелки, автоматчики, пулеметчики отсекали от них пехоту и истребляли ее. То тут, то там завязывались рукопашные схватки. Прорвавшиеся вперед вражеские танки подбивали полковые и дивизионные артиллеристы.

Труднее всего досталось 47-му стрелковому полку. На участке его обороны умолкло более половины огневых точек и противотанковых средств. Воспользовавшись этим, танки противника ворвались в расположение второго батальона полка и стали утюжить его траншеи. Когда вслед за танками появилась вражеская пехота, комбат капитан Н. А. Ракитский поднял батальон на ближний огневой и штыковой бой. И все же задержать гитлеровцев батальон не смог. Противник вышел на второй рубеж обороны полка.

Подполковник Карташов решил контратаковать противника силами первого батальона. Однако контратака оказалась безуспешной. Роты обоих батальонов под натиском превосходящих сил врага стали отходить в южном направлении. Случилось то, чего я больше всего опасался. Левый фланг дивизии с каждой минутой все больше обнажался. Локтевая связь с соседом нарушилась. В стык между дивизиями прорвалась пехота противника на бронетранспортерах и часть танков. С КП дивизии позвонил начальник штаба В. П. Шмыглев и доложил о прибытии туда заместителя командарма генерал-майора М. И. Глухова. Шмыглев передал генералу трубку. Я доложил обстановку.

— Вам идут на помощь два дивизиона «катюш», танковый и танко-самоходный полки. С воздуха поддержит авиация 16-й воздушной армии. Используйте эти силы для ликвидации разрыва с соседней дивизией. Главное сейчас — задержать противника хотя бы до исхода первого дня битвы.

Через несколько минут после разговора с генералом Глуховым радист опять позвал меня к рации. В эфире послышался голос командира 47-го полка Карташова, сумевшего восстановить радиосвязь. Он доложил, что третий стрелковый батальон отразил фронтальную атаку врага, уничтожил в ходе боя до 500 гитлеровцев, 6 танков, 2 самоходных орудия и продолжает упорно сражаться, удерживать позицию.

Комбат капитан Н. Д. Жуков не знал, что слева его уже обходят танки и бронетранспортеры с пехотой. Вскоре батальон оказался в окружении. Прервалась и связь с командиром полка. Тогда комбат принял решение — прорвать кольцо окружения в направлении Подольяны. Ни танки, ни пехота врага не смогли преградить дорогу. Батальон вновь соединился с основными силами полка.

В третьем-четвертом часу боя нависла угроза и над наблюдательным пунктом дивизии. Танки противника обошли населенный пункт Степь. С ними вступили в бой

артиллеристы. Доложил об этом генералу М. И. Глухову. Тот немедленно разрешил всей оперативной группе дивизии оставить НП и перейти на командный пункт дивизии.

Наблюдательный и командный пункты дивизии были связаны между собой глубокой траншеей, но воспользоваться ею не удалось. Вражеские танки во многих местах перекрыли ее. К счастью, задержанная контратаками батальона капитана Жукова пехота противника на этом участке несколько отстала от танков, и оперативная группа воспользовалась этим. Отходили по высокой ржи под градом бомб и снарядов.

— Странные какие-то бомбы,- сказал начальник связи подполковник Бочаров.

Бомбы и в самом деле были необычными. Не достигая земли, они раскрывались, и из них разлетались гранаты.

До КП оперативную группу дивизии сопровождали разведчики. Часть из них шла впереди, остальные — в прикрытии. Во ржи разведчики столкнулись с пробиравшимися на КП гитлеровцами. Пять вражеских солдат в перестрелке были убиты. Шестого захватил в плен старший сержант Антон Перадзе. Снова налетели немецкие самолеты. Осколком бомбы Перадзе был ранен в ногу.

Переждав во ржи бомбежку, оперативная группа наконец-то добралась до командного пункта. Начальник штаба доложил обстановку.

— Полк Оноприенко продолжает успешно обороняться в первом эшелоне,- сообщил Вениамин Петрович.

Это обрадовало. Значит, дивизия держится. Значит, крепко закапывались в землю не напрасно. А как же дела у соседей?

— Положение у нас трудное,- сказал начальник штаба полка Г. В. Малюга, - полк ведет бой на участке Бобрик — Степь. Нас атакуют до ста танков. Авиация бесперебойно бомбит. Но батальоны держатся.

Командир полка Оноприенко проявил в этих боях качества отличного организатора, смелого и решительного тактика. Первые четыре атаки противника, направленные в обход, полк отразил успешно. Но атаки врага продолжались, обстановка быстро менялась. Вскоре после отхода в район Соборовки 47-го полка стали отходить на свой оборонительный рубеж и части правого соседа — 81-й стрелковой дивизии генерал-майора А. Б. Барина. В район Александровки пришлось бросить дивизионный противотанковый резерв и подвижной противотанковый заградительный отряд, чтобы обеспечить фланги полка Оноприенко. По моей просьбе командующий армией, направил в район Соборовки два армейских противотанковых отряда с задачей преградить путь врага минновзрывными средствами. Армейским артиллерийским частям, в том числе и зенитным, было приказано вести огонь по танкам врага прямой наводкой.

Отлично сражались не только стрелки и артиллеристы, но и минометчики 321-го полка. В трудный момент, когда на их позиции двинулись танки, политрук роты старший лейтенант Владимир Николаевич Ботковели метко угодил противотанковой гранатой в «тигр», и тот запылал. К сожалению, погиб от вражеской пули и Ботковели.

В 11.30 противник ввел в бой крупные силы танков и пехоты на бронетранспортерах против 676-го полка. При отражении этой атаки особо отличилась полковая батарея ПТО, которой командовал младший лейтенант Иван Борисюк. Уже в первые минуты боя орудийные расчеты старших сержантов Денисенко и Борилина подбили четыре танка и два бронетранспортера. Вместе с артиллеристами мужественно бились бронебойщики-петеэровцы.

Газета «Правда» об этом писала:

«Наша артиллерия била по «тиграм». В этот час советские воины, дравшиеся в окопах, увидели, как воспламеняются тяжелые немецкие танки. Но уже новая мощная колонна приближалась к нашим позициям. И опять в голове шли «тигры». Два сержанта — Усамбеков и Фалалеев выдвинулись вперед со своими

противотанковыми ружьями. Это был короткий и жестокий поединок. «Тигры» шли, на ходу стреляя из пушек. Они вздымали землю и давили трупы солдат, лежавших перед окопами. Усамбеков и Фалалеев ждали. Танки уже приближались. Усамбеков крикнул:

— Давай, вот они! Давай, я — в первый!

Фалалеев ничего не ответил. Он продолжал выжидать. Это был опытный бронейщик. Но теперь он держал самое серьезное испытание перед полком, который любил его, и перед народом, который доверил ему этот рубеж. Может быть, через полминуты его уже не будет в живых — молодого старшего сержанта Фалалеева, но он должен сделать все, чтобы тот крайний «тигр» больше не двигался. Там, в окопах, товарищи. Они впервые видят этот танк, но они спокойны, они знают, что Фалалеев сделает свое дело. Так думал он в эти короткие минуты, напряженные мгновения и ждал, целясь в смотровую щель тяжелого танка. Он знал все уязвимые места этих «тигров».

Пора! Фалалеев крепче припал к своему ружью и выстрелил. В ту же минуту он услышал выстрел Усамбекова, и «тигры» направились прямо к ним, очевидно боясь подставить под удар свои бока. Бронейщики снова прицелились. Два выстрела слились в один, и два танка запылали. Усамбеков улыбнулся и прошептал:

— Это «тигры», да?

— Они самые. Ага, эти уже разворачиваются!

Немецкая бронированная колонна начала было обходить свои подожженные танки, но ее уже расстреливали, поджигали бронейщики. К Фалалееву подполз старший лейтенант Сердий и крепко обнял его. Еще одна танковая атака была отбита».

Непрерывно атакуя позиции полков, фашисты, вероятно, рассчитывали, что в конце концов наступит предел человеческому напряжению, что яростные атаки танков и пехоты, сопровождаемые мощнейшими бомбардировками с земли и с воздуха, приведут наконец к душевному надлому людей, к тому состоянию усталости, которое заставит их отступить. Враг, однако, просчитался. Никто из воинов полка не проявил малодушия. «Уставала» сталь, докрасна накалялись стволы пушек и пулеметов, но люди, казалось, не знали усталости. Они защищали Родину до последней возможности.

К полудню осложнилась обстановка на участке обороны 321-го стрелкового полка. Вражеские войска, вклинившиеся в оборону соседней 132-й стрелковой дивизии, крупными силами стали обходить полк Г. С. Волощенко с фланга. Это ставило его в исключительно трудное положение.

Чтобы не допустить окружения полка противником, я приказал Волощенко немедленно отводить батальоны в район Соборовки. Отход прошел благополучно.

В этом бою был тяжело ранен и вскоре скончался любимец личного состава комсорт полка Пантелей Айбабин из Сыктывкара. Часы его жизни были сочтены, но он говорил не о себе, а о том, как остановить фашистов.

На вновь занятом рубеже полк отразил до десятка вражеских атак. Однако часам к шестнадцати противнику ценой больших потерь все же удалось захватить западную окраину Соборовки. Видя такое критическое положение, я принял решение контратаковать противника прибывшим от командарма резервом и силами 321-го полка.

После непродолжительного артогня, в котором участвовали гвардейские минометы, танки и самоходки, первыми ринулись в контратаку воины второго и третьего стрелковых батальонов полка и навязали гитлеровцам ближний бой, переходивший в рукопашные схватки. Гитлеровцы не выдержали натиска и вынуждены были отойти, оставив на поле боя больше сотни своих убитых солдат и офицеров.

676-й стрелковый полк по-прежнему оставался на первом оборонительном рубеже. Стойкость воинов полка и частей его усиления бесили гитлеровцев. Они спешили отрезать полку пути отхода, окружить и уничтожить его вместе со всеми приданными подразделениями.

В конце концов отрезали, окружили. День уже клонился к вечеру, когда подполковник Н. Н. Оноприенко доложил по рации:

— Восемнадцать танков противника с автоматчиками на броне оседлали дорогу Бутырки — Дружковецкий. С противоположной стороны к дороге вышли до сорока танков с пехотой, замкнули кольцо окружения.

— Ищите в кольце слабое место. С наступлением темноты выводите полк из окружения. Помощь артогнем будет. Сообщите время начала выхода.

Обстановку доложили командарму. Несмотря на то, что противнику удалось несколько потеснить 47-й и 321-й полки, действиями дивизии командарм был доволен. Она отвлекла на себя крупные силы гитлеровцев, сдержала их натиск и вместе с соседями сорвала замысел глубокого вклинения. Задуманный фашистскими генералами танковый таран, рассчитанный на молниеносный прорыв, не достиг цели.

Командарм приказал продолжать удерживать занимаемые рубежи и быстрее вывести 676-й полк из окружения. Одновременно поинтересовался, прибыл ли армейский резерв.

— Да, резерв прибыл. Он совместно с триста двадцать первым полком выбил противника с западной окраины Соборовки.

Во второй половине дня значительно усилилась активность советской авиации. Напористо вели воздушные бои с истребителями противника наши истребители. С полудня в воздухе все чаще стали появляться советские бомбардировщики и штурмовики.

Первый день боев на Курском выступе подходил к концу. С наступлением темноты вышел из окружения полк Н. Н. Оноприенко. Двадцать шесть вражеских атак отбил он в окружении. Все попытки врага уничтожить полк потерпели крах.

В сводке Совинформбюро от 7 июля 1943 года об этом сообщалось:

«Советские бойцы и командиры показывают примеры храбрости и героизма. Подразделение, которым командует подполковник Оноприенко, выдержало бешеный натиск крупных вражеских сил. Бойцы не оставили своих позиций и тогда, когда немецкие танки и пехота окружили подразделение... Бойцы подразделения прорвали вражеское кольцо и немедленно контратаковали немцев. В результате ожесточенной схватки подразделение отбросило противника...»

Полк Н. Н. Оноприенко прорвал кольцо окружения в 21 час 30 минут. С боем отошел на второй рубеж обороны севернее населенного пункта Дружковецкий. К 23 часам все части 15-й Сивашской стрелковой дивизии вместе с полками 6-й гвардейской заняли оборону на укрепленном рубеже Степь, Подсоборовка.

Кончился первый день великой битвы на Курской дуге. Враг не прошел. Не помогли ему ни «тигры», ни «фердинанды». С рассвета до поздней ночи бушевал над курскими полями огненный ураган. Но враг не прошел! Он был остановлен советскими воинами и разгромлен.

«Летописец» 47-го Краснознаменного полка Степан Яковлевич Якушин в своем дневнике записал:

«Сегодня бой какой-то особенно ожесточенный. На каждого нашего солдата немцы бросают по несколько тонн раскаленного металла. Расчет у немцев как будто бы правильный — маленький человек такого выдержать не может. Но советский солдат — не маленький человек. Он смело взял на себя ответственность за судьбу своей исполинской страны, и более того, за судьбу всего мира. Да, мы великаны духа, потому что мы идейные люди, и наша ленинская идея непобедима!»

Поздно ночью в дивизии стали известны некоторые результаты первого дня сражения в целом по 13-й армии. По предварительным подсчетам, за день боев враг потерял в полосе обороны армии более 100 танков и самоходных орудий, 45 самолетов, свыше 10 тысяч солдат и офицеров.

Это была значительная победа советских войск. Она дала возможность фронту подготовиться к новым сражениям, подтянуть резервы, вторые эшелоны на направление главного удара противника, которое теперь уже ясно определилось. Она дала возможность нашему командованию запланировать и осуществить на второй день битвы мощный контрудар силами, которые в первый день боя в сражении не участвовали. И сивашцы гордились тем, что именно они вместе со своим правым соседом — 81-й стрелковой дивизией, приняв на себя главный удар противника, сорвали замыслы фашистского командования.

С наступлением ночи Сивашская дивизия была выведена во второй эшелон. Последним выходил из боя и 676-й полк, который вплоть до ночи 6 июля вместе с артиллеристами 203-го артполка и танкистами удерживал село Степь. Против полка Оноприенко действовала 292-я пехотная дивизия гитлеровцев. За два дня боев, как стало известно из показаний пленных, она потеряла более половины своих солдат и офицеров и 7 июля была выведена из боя как утратившая боеспособность.

С не меньшим мужеством и героизмом громили врага все части и соединения 13-й армии. Если 5 июля противнику удалось на отдельных участках продвинуться на 6 — 8 километров, то на второй день боев его продвижение не превысило 1 — 2 километров. При этом гитлеровцы потеряли более 25 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, около 200 танков и самоходных орудий, более 200 самолетов, большое число артиллерийских орудий, минометов и другой боевой техники.

Так закончился второй день вражеского наступления на ольховатском направлении. Не дошли, не дотянули фашистские вояки до Ольховатки. И не потому, что не имели для этого необходимых сил и средств. Нет, пехоты, танков, авиации, артиллерии и минометов у них имелось достаточно.

Уже в первые два дня ожесточенных сражений гитлеровское командование убедилось, что путь к Курску через Ольховатку непреодолим, поэтому 7 июля несколько изменило направление главного удара. Атаки вражеских войск на ольховатском направлении хотя и продолжались, но их напор постепенно ослабевал. В тот день противник приступил к нанесению своего главного удара в направлении Поньрей, надеясь овладеть этим важным узлом обороны советских войск, перекрывавшим железную дорогу Орел — Курск, и попытаться лишить советские войска возможности наносить фланговые удары по наступающим на Малоархангельск и Ольховатку.

8 июля фашистское командование предприняло еще одну атаку в надежде овладеть Ольховаткой. Вновь развернулись напряженные бои, в которых со стороны противника участвовало свыше двухсот танков. В критический момент, когда противнику удалось добиться временного тактического успеха, командир 17-го гвардейского корпуса генерал А. Л. Бондарев ввел в бой и Сивашскую дивизию. И на этот раз натиск противника был отбит. Незначительный тактический успех в тот день стоил противнику 130 танков, 9600 человек убитыми, ранеными и пленными.

На седьмой день боев наступательные возможности противника стали заметно иссякать. 12 июля вражеские войска перешли к обороне, стали окапываться.

В тот же день, 12 июля, северо-западнее Орла перешли в наступление войска Брянского фронта и левого крыла Западного фронта. 15 июля решительно двинулась вперед на врага 13-я армия, и в ее составе Сивашская дивизия.

Герои и подвиги

В победу на Курской дуге 15-я Сивашская стрелковая дивизия внесла свой достойный вклад. Ее воины совершили коллективный массовый подвиг. Не случайно поэтому крупнейший полководец Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих послевоенных мемуарах назвал 15-ю Сивашскую дивизию в числе тех соединений, которые приняли на себя и отразили наиболее мощные удары вражеских группировок севернее Ольховатки и под Поньями:

«Особенно мужественно дрались воины 13-й армии, в том числе 81-я дивизия генерала А. Б. Барина, 15-я дивизия полковника В. Н. Джанджгавы, 307-я дивизия генерала М. А. Еншина...»

Командиру 676-го стрелкового полка подполковнику Н. Н. Оноприенко было тогда всего двадцать три. Но на Курской дуге он проявил высочайшую командирскую зрелость. И не случайно ему было впоследствии присвоено звание Героя Советского Союза.

Двадцатилетие отметил в окопах и командир третьего стрелкового батальона этого полка майор И. Л. Швендик. На Курской дуге батальон под его командованием дрался на самых ответственных, наиболее опасных участках обороны. Этому батальону полк был во многом обязан тем, что ни на шаг не отошел 5 июля с переднего края.

Когда полк, находясь в окружении, отражал яростные атаки танков и пехоты врага, над участком обороны батальона Ивана Швендика появились 60 фашистских бомбардировщиков. Они начали разворачиваться для сбрасывания бомб, а чтобы не нанести удар по своим войскам, предупредили их белой ракетой. Комбат тут же продублировал «ответ» тремя белыми ракетами в сторону пехоты и танков врага. Хитрость удалась. Фашистские летчики сбросили весь смертоносный груз на свои войска, что позволило батальону занять более выгодную оборонительную позицию.

Укротителем «тигров» прозвали в шутку однополчане командира огневого взвода ПТО 676-го полка коммуниста младшего лейтенанта Борисюка. За двое суток напряженных боев на Курской дуге его взвод орудий-сорокапятков уничтожил 11 немецких танков, тягач и бронемашину. Причем 6 танков, в том числе 2 «тигра», подбил лично командир взвода.

А было это вот как. Окончилась артподготовка по переднему краю. Фашистская артиллерия перенесла огонь в глубину обороны. Иван Борисюк и его подчиненные вышли из укрытий и выкатили из-под толстых, непробиваемых навесов свои сорокапятки и установили их для ведения огня прямой наводкой. Перед взором батарейцев была взрытая снарядами и бомбами земля, затянутая сплошным маревом едкого черного дыма.

— Сейчас пойдут. Подготовиться к бою! — приказал Борисюк командирам орудийных расчетов.- Будем стоять до конца, ребята.

Ждать долго не пришлось. Из березовой рощи, что виднелась невдалеке на занятой врагом территории, одновременно выползло около двадцати средних танков.

Головная машина первой поднялась на небольшую высоту в нейтральной зоне и стала колесить по ней. Первым же выстрелом ее поразил орудийный расчет старшего сержанта Денисенко. Вслед за головным танком на высоту поднялось еще несколько машин. Теперь они, набирая скорость и ведя на ходу огонь, катились вниз, в сторону взвода. Огонь по танкам вели все три пушки взвода. Первый, второй, третий, четвертый выстрел... Загорелся еще один танк, потом еще, еще...

Не дрогнули артиллеристы и тогда, когда вместе с танками огонь по их позиции открыла вражеская пехота. Одни бойцы продолжали отстреливаться из орудий, другие — из автоматов и винтовок. Орудийные расчеты постепенно редели. Теперь каждому из артиллеристов приходилось выполнять обязанности двух-трех номеров. Все чаще за наводчика и командира той или иной пушки становился сам младший лейтенант.

Взбешенные упорством сорокапятчиков, фашисты бросили против них несколько «тигров». Они шли нахально, полагая, что маленькие пушечки им не страшны.

На позиции огневого взвода осталось несколько человек, главным образом подносчики снарядов. Остальные либо погибли, либо получили ранения и были отправлены в тыл. Младший лейтенант прекратил на время огонь. Он ждал, когда «тигры» подойдут поближе. Стрелять по ним издалека — пустая трата снарядов.

Из-за пригорка показалась головная машина. Расстояние быстро сокращалось. «Пора!» — приказал себе Борисюк и один за другим произвел несколько выстрелов.

«Тигр» круто развернулся и застыл на месте.

В зоне досягаемости огня сорокапятки появились еще два «тигра». Один из них Борисюк взял на прицел.

Подбитый им второй «тигр» закадил черным дымом и грузно осел в каких-нибудь 70 — 80 метрах от позиции артиллеристов. Третий повернул назад.

«Тигры» не прошли.

За образцовое выполнение боевого задания командования и проявленные при этом личную храбрость и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1943 года Иван Иванович Борисюк был удостоен звания Героя Советского Союза.

Командование и политотдел дивизии от души поздравили его с высоким званием. Теплое приветствие мужественному истребителю вражеских танков прислали командующий Центральным фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский и член Военного совета фронта генерал-майор К. Ф. Телегин.

Иван Борисюк продолжал воевать, во многих последующих боях еще не раз подтвердил звание Героя. Но ему не удалось дожить до светлого дня Великой Победы. Он погиб под Брестом, будучи уже начальником артиллерии полка.

Неподалеку от села Подоляны, где проходил перед началом Курской битвы передний край обороны наших войск, на опушке небольшой рощи сохранился могучий дуб, возле которого в первый день великой битвы располагалась огневая позиция взвода ПТО. Подолянцы в память о Герое назвали этот дуб «дубом Ивана Борисюка», укрепили на нем мемориальную доску с кратким описанием боевого подвига артиллериста.

Смело и мужественно громили танки и пехоту врага артиллеристы 203-го артполка дивизии. За три дня боев они уничтожили 11 фашистских танков, 4 самоходки «фердинанд», подавили своим огнем и вывели из строя 9 артиллерийских и 14 минометных батарей противника, 2 реактивные установки М-40, истребили сотни вражеских солдат и офицеров. Особенно больших боевых успехов достигли огневые взводы лейтенантов Сердовицына и Шахназаряна, а также командир 76-миллиметрового орудия сержант Тимошин и наводчик сержант Переяславцев.

Достойный вклад в борьбу с танками врага внесли саперные подразделения дивизии. Мощным барьером для фашистских танков были прежде всего минные поля перед передним краем и внутри обороны на танкоопасных направлениях, созданные саперами. Только в первый день боев противник потерял на минах более 70 танков и бронемашин.

Не менее эффективной оказалась примененная саперами в ходе оборонительных боев новинка. По инициативе дивизионного инженера майора И. А. Педь во всех стрелковых полках были созданы подвижные отряды заграждения, состоявшие из наиболее опытных минеров. Быстро передвигаясь по переднему краю, а при вклинении танков противника действуя в глубине обороны, они под огнем за какие-нибудь несколько минут устанавливали минновзрывные заграждения на направлениях атак противника. А поскольку гитлеровцы не подозревали о таких заграждениях, то, как правило, нарывались на них. Фашистские танки взлетали на воздух вместе со следовавшими за ними пехотинцами и часто находившимися на броне группами автоматчиков.

Находчивость, смелость и отвагу в этом, тогда еще новом для дивизии способе борьбы с танками проявили многие воины саперного батальона капитана М. М. Бугреева, в особенности командиры рот старший лейтенант П. А. Оделадзе и лейтенант Д. В. Шнейкин. Под их командованием сержанты Лукьянчук, Артемьев, Кошевой, красноармеец Бондарь и другие не раз срывали попытки врага вклиниться в оборону дивизии. Сержант Кошевой, например, в сложной боевой обстановке буквально перед вражеской колонной танков взорвал мост через речку Свопу, в результате чего танки были задержаны на рубеже Соборовки до утра следующего дня.

В 321-м стрелковом полку героически дрались с врагом минометчики роты, которой командовал старший лейтенант Георгий Леладзе. Всякий раз, когда пехота противника поднималась в атаку, рота Леладзе обрушивала на нее плотный огонь из своих «самоваров». За трое суток минометное подразделение уничтожило не меньше сотни гитлеровцев. А на участке, обороняемом отважным минометчиком сержантом Дмитрием Гамкиташвили, не прошел ни один захватчик.

Кстати, рота Георгия Леладзе неоднократно отличалась и в последующих боях. При форсировании Днепра командир минометной роты с группой своих подчиненных одним из первых переправился на западный берег реки, отбил у гитлеровцев две пушки, повернул их в сторону противника и открыл огонь. В другой раз, когда был ранен командир батальона, Леладзе без промедления принял командование на себя и успешно справился с поставленной батальону боевой задачей. Беспрецедентную отвагу проявил он также при форсировании Вислы, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Когда закончилась война, он в числе наиболее храбрых и мужественных воинов участвовал в Параде Победы в Москве.

Ныне Георгий Давидович Леладзе проживает в Москве. У него совсем мирная профессия — он архитектор.

В Курском сражении воины всех специальностей были прежде всего бойцами, активными участниками борьбы с фашистскими захватчиками. Выполнение любых обязанностей было связано с риском лицом к лицу встретиться с гитлеровцами, вступить в бой. Это в одинаковой мере относилось и к работникам штабов, и к связистам, и к медико-санитарным работникам, и к водителям автомашин, и к повозочным.

Санинструктор сержант Н. К. Духман только за два дня боев вынес с поля боя сорок раненых бойцов и командиров. Вместе с тем он и сам неоднократно участвовал в вооруженных схватках с гитлеровцами, в том числе и рукопашных. Пять уничтоженных фашистских захватчиков — таков его боевой счет за двое суток битвы.

Санитарным инструкторам-мужчинам ни в чем не уступали и наши славные девушки. Восемнадцатилетняя Аня Соколова за время службы в дивизии вынесла с поля боя 80 раненых бойцов и командиров, за что была удостоена ордена Ленина. И всякий раз, когда обстановка осложнялась, когда надо было не только оказать раненому медицинскую помощь, но и защитить его, она смело бралась за винтовку. И погибла Аня, как героиня, в неравной схватке с гитлеровцами.

В санчасть доставили тяжелораненого сержанта В. Лупандина. Требовалась немедленная операция. И как раз в этот момент гитлеровцы начали очередную атаку. Вокруг санчасти рвались снаряды, уже совсем недалеко были вражеские танки, но майор медслужбы Г. Я. Соколов ни на секунду не отходил от операционного стола. Только после того как операция была закончена и жизнь воина спасена, хирург взял автомат и вышел из санчасти.

Санинструктор старшина Марина Картуха, девятнадцатилетняя комсомолка, перевязывая раненых под ураганным огнем, была ранена сама, но не покинула поля боя, продолжала оказывать медпомощь.

Связистка 203-го арtpолка, ветеран дивизии Зина Палшина, скромная, девятнадцатилетняя девушка, проявившая себя во многих боях как мужественный и стойкий воин, не только оказывала медицинскую помощь раненым, но и подносила снаряды к орудию, под ураганным огнем противника выходила на линию связи и устраняла обрывы.

Телефонист 182-й отдельной роты связи красноармеец Д. П. Бачишвили много раз восстанавливал связь в самый разгар массированных артобстрелов. И никогда Бачишвили не расставался со своей винтовкой, постоянно держал ее наготове.

Воевали все. Каждый мужественно и самоотверженно выполнял свои боевые обязанности.